

Наш художник из Петербурга

Т. ТЮРИНА.
А. САНАРОВ (фото)

— Ну что, вырос я или упал? — Иван Александрович смотрел хитро и выжидающе.

Человек искренний и прямой, он и ответа ждал не менее категоричного. А я не люблю категоричности и потому от прямого ответа уклонилась: — Вы разный, Иван Александрович. Лебедев Юрьевки один, Лебедев, пишущий Павловск, другой, Лебедев, радостный и солнечный, как Сарьян, — третий, Лебедев, монохромный и драматичный, — четвертый. И везде — мастер.

Иван Александрович, посвежевший за пределами города угля и металла, с бородкой клинышком, делающей его похожим на татарина времен Мамаева нашествия, какой-то словно встряхнувшийся и новый, сидел передо мной и рассказывал о Ленинграде, выставках, салонах Союза художников и салонах, торгующих копиями известных шедевров.

— Два раза там выставился, — хвалится Иван Александрович.

Мастерская уставлена картинами в рамках и без. Отец и сын готовились к выставке Лебедева в «Соборе». Сын — одна из постоянных моделей Ивана Александровича. Его портреты, как семейный фотоальбом, прослеживают Сережу от раннего детства до зрелости. Многие из этих работ были на выставках и запоминались как ценные художественные полотна. На картине Сережа-подросток за фортепиано. Сравняю с Сергеем тридцатилетним — почти не изменился. Сегодня Сергей в роли импресарио отца. Меня привлек портрет женщины, работа 60-х годов.

— Нашел среди старых холстов, — объясняет Сергей.

— Вас за этот портрет ругали? —

спрашиваю Ивана Александровича.

— Досталось, — вспоминает он. — Это отдыхающая из соседнего дома отдыха с академической дачи.

«Отдыхающая» напоминает советскую труженицу с суровым красным лицом, нескладным, грубо скроенным телом. На женщине кофта глубокого синего цвета, косынка на голове. Напряженный взгляд не знающей отдыха женщины. И вся ее фигура на фоне облачная счастья походить на женщину. И при этом, как пишут искусствоведы и журналисты, «очень узнаваема».

Из старых работ приготовил на выставку Иван Александрович и свою «Юрьевку» (деревня в Таргае). Именно ее выставлял Иван Александрович в Ленинграде. «Юрьевка» экспонировалась на нескольких выставках в разных городах и всегда вызвала положительный отклик критиков и зрителей. Я балдею (да простит мне читатель этот сленг) от его бело-черно-коричневых работ, от его снега, от лебедевского белого цвета («Каллы», рубашка на мальчике — «Сережа на стуле», ромашки не один год держатся в памяти), от жестких, графических линий. «Вам надо всю жизнь писать один ваш Таргай», — не раз говорила я Ивану Александровичу.

Лебедева — певица Таргая — любят очень многие, кто знаком с его творчеством. Вариации Юрьевки художник повторял неоднократно, и по маленькому кусочку картины можно узнать его руку. Но также узнаваем Лебедев и в пейзажах, представляющих среднерусские места, парки Петербурга и его пригородов. Это Лебедев иной эстетики. Нередко изысканный, даже эстетст-

вующий, и этой изысканностью невообразимо притягательный. Так, много месяцев не одна я смотрела в салоне на «Старый собор», заслоненный сине-фиолетовой листвой какого-то дерева, прежде чем работа ушла в частную коллекцию.

Иван Лебедев привязывается к очередному предмету своей души прочно и пишет его, пишет, словно не может насытиться.

Неоднократно повторяет он, видоизменяя, ромашки. И бесконечно любит зеркальными отражениями неба и деревьев в прудах.

— Мне дорого в природе состояние. И потому я, как правило, пишу с натуры, — говорит Иван Александрович. — У природы бывают такие состояния, что и выдумывать ничего не надо. — И Лебедев рассказывает, как, потрясенный ледоходом, он в несколько мгновений набросал этюд «Река ожила». Этот этюд, дорогой сердцу автора, производит и на зрителя сильное и странное впечатление абстрактных, темпераментных, пастозных мазков на переднем плане и реалистической полоски спокойного, безмятежного леса вдаль.

В его новых работах немало пейзажей и натюрмортов теплых, приятных, но неглубоких. Возможно, эта некоторая легковесность идет от односложности задач: передать состояние и все. Но порой это состояние само по себе несет философскую глубину, а может, и сильное эмоциональное напряжение, и тогда хочется смотреть и смотреть на его произведения, не отрываясь. Такое, на мой взгляд, «Туманное утро». Художник не развлекает зрителя обилием расцветок и оттенков, он скуп в выборе выразительных средств. Снег, на берегу незастывшей реки Славянки раскидистая ива. И, кажется, больше ничего. И ничего особенного в этой картине нет, но тянет вас за собой эта холодная глубина незамерзающей реки. И начинаешь думать о вечности, об этом неизменном в своей постоянной изменчивости мире. Удивительная закономерность: чем скупее в выразительных средствах мастер, тем художественнее его работа.

Есть у Лебедева пейзажи, не сразу обращающие на себя внимание, но чем больше вглядываешься в них, тем привлекают они как будто, тем дольше хочется на них смотреть.

Один из лучших художников Новокузнецка и Кемеровской области Иван Александрович Лебедев уже год как житель города Павловска, под Петербургом. Как сказал как-то в телепередаче один из наших живописцев, Новокузнецк обладает способностью выталкивать художников из своей среды. Не пригодно, видимо, наш город для творчества и для существования в нем творческих людей. Но не так легко оторваться от своих корней. До сих пор Иван Александрович не снялся с учета в местном отделении Союза художников. И свою отчетную, юбилейную, в честь его 65-летия выставку в будущем году тоже хочет устроить здесь. А пока в «Соборе» он выставляет свои работы, разные по уровню художественных притязаний, но без исключения отмеченные печатью его таланта.